

Иван
ИЛЬИН

Путь духовного
обновления

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Иван Ильин

Путь духовного обновления

«Издательство АСТ»

1937

УДК 1(091)(470)
ББК 87.3(2)

Ильин И. А.

Путь духовного обновления / И. А. Ильин — «Издательство АСТ», 1937 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-155658-7

«Путь духовного обновления» – один из основополагающих трудов Ильина, над которым он работал в 1930-е годы. Что же такое, согласно убеждению мыслителя, традиционные духовные ценности русского общества? Патриотизм и высокая нравственность, любовь к национальной культуре, духовное здоровье и религиозность народа. И путь духовного обновления, очищения от дьявольских соблазнов «красной чумы» социализма лежит через новое обретение русскими понимания, что значат вера и любовь, свобода и совесть, семья и родина, национальное и правовое самосознание, государство и многое другое. Также в сборник вошла работа «Религиозный смысл философии». В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 1(091)(470)

ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-17-155658-7

© Ильин И. А., 1937

© Издательство АСТ, 1937

Содержание

Путь духовного обновления	6
Предисловие	6
Глава первая	8
1. Мы все верим	8
2. Вера и жизнь	10
3. Не все заслуживает веры	13
4. Знание и вера	16
5. Источник веры	20
Глава вторая	25
1. Что есть любовь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иван Александрович Ильин
Путь духовного обновления

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Путь духовного обновления

Предисловие

*Хоть убей следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!..*

Пушкин

Эта книга написана для идущих, для тех, кто еще не «имеет», но хочет «иметь», хочет – глубоко и искренно. Эта книга написана для сомневающихся – не ироническим, разъедающим и, в сущности говоря, уже отрицающим сомнением, но вопрошающим, творческим сомнением, идущим из глубины сердца. Таким сомнением в свое время сомневались Сократ, Блаженный Августин и Декарт, и сомнение их нашло себе творческое преображение и привело их к *очевидности*.

Наше время ни в чем так не нуждается, как в *духовной очевидности*. Ибо «сбились мы» и «следа» нам не видно. Но след, ведущий к духовному обновлению и возрождению, найти необходимо и возможно. И мы найдем его.

Каким способом?

Естественным, который вообще дан человеку: *углублением в себя*. Не в свою личную, чисто субъективную жизнь, не в свои колеблющиеся, беспредметные «настроения», не в праздную, гложущую и разлагающую рефлексю. Но в свое *сверхличное, предметно-насыщенное, духовное достояние*. Пусть оно будет невелико, пусть оно будет подобно *искре*. Но в искре есть уже сила искренности, ибо искра есть пылинка вечного, божественного пламени...

Нельзя сомневаться «во всем», даже в самом сомнении своем. Это уже смерть и тление. Сомнение, если оно есть, испытывается остро и мучительно, оно подлинно, оно несомненно, оно есть *воля к истине, рожденная любовью и жаждой уверенности*. Кто так сомневается в Боге и в правде, тот уже *любит* Бога и правду; и любовью он их найдет, ибо их вообще можно найти *только любовью*. Такое сомнение – духовно, оно уже *есть живой дух*, и человеку, который *так* сомневается, духовный опыт уже открыт и доступен.

Итак, эта книга написана для сомневающихся, для тех, в ком живет *такое* сомнение. Она пытается *указать* им путь. Не пройти этот путь за них или с ними, а лишь указать. Идти человек может только сам, в своем внутреннем духовном опыте, который неизбежно приведет его к внешним поступкам; ибо настоящий и зрелый духовный опыт всегда выражается и заканчивается в целостных и творческих делах. Ни жить, ни творить «за других» нельзя. Жить и творить должен каждый *сам*. И это удастся ему тем больше и тем лучше, чем глубже он укоренится в своем *собственном*, выстраданном и вымоленном духовном опыте...

Эта книга пытается указать *только путь*. Она скромна по своим задачам. Она ни по одному вопросу не высказывает *всего*, что хотелось бы высказать; и каждая глава ее таит в себе целое исследование, иногда даже не одно; опытный и зоркий глаз увидит это сразу. Здесь изложено только то необходимое, путеводное, *без чего нельзя начинать*, что прежде всего надо довести в себе до очевидности, до полной и окончательной, непоколебимой и не угасающей уверенности – только те основы духовности, без которых нельзя начинать самую борьбу за родину. Это первые, фундаментальные вопросы, *вопросы бытия*. Мало прочесть «о них», прочтя, надо *решить* их для себя. Они выдвинуты здесь в противовес и в отпор мировому соблазну

нашего времени. Но решив их с силою очевидности, нельзя надеяться на свои силы при встрече с этим соблазном.

Этот соблазн дан нам нашей эпохой. Но «человек не должен жаловаться на свое время: из этого ничего не выйдет; время плохое, ну что же, на то человек живет, чтобы сделать его лучше»... «Начинай же! Только этим ты сделаешь невозможное возможным» (Карлейль).

Современный мир переживает глубокий кризис – религиозный, духовный и национальный. Из него необходимо найти выход. Этот выход надо каждому из нас найти прежде всего *в самом себе*, творчески создать его, убедиться и удостовериться в его верности. И только потом можно будет указать его другим. Надо *самому начать быть по-новому*. Обновленные люди, одолевающие соблазн, найдут друг друга. Найдя, они заткут новую ткань духовного бытия. Это единственный путь. Иного нет.

Задача моей книги – указать на этот путь и утвердить его верность.

Автор

1932–1935

Глава первая О вере

Прежде всего снимай с очей ума твоего покровы, содержащие его в ослеплении.

Феофан Затворник

1. Мы все верим

Есть у нас довольно распространенное воззрение, будто люди могут прожить жизнь без всякой веры и будто «образование», а в особенности «научное образование», – несовместимо с верою. Образованный человек, думают люди, не может верить: он слишком много «знает» и «самое существенное» он уже «понял»; так, например, он знает, что все совершается по законам природы и что эти законы природы рано или поздно будут изучены, во что же ему еще «верить»? Сущность культуры и прогресса сводится к следующему: *идет просвещение, а вера уступает и исчезает*. Согласно этому, верить могут лишь те, кого еще не коснулось просвещение; но вот придет время – они будут просвещены и перестанут верить, ибо на самом деле всякая *вера* есть не что иное, как *суеверие*. Итак: будущее принадлежит просвещенному безверию и безбожию.

Тот, кто хочет зорко и верно видеть происходящее и, особенно, понять и одолеть переживаемый нами духовный кризис, должен прежде всего вдумчиво отнестись к этому воззрению и критически разобраться в нем; ибо он укрывает в себе не одно роковое недоразумение или заблуждение.

Бесспорно, есть немало людей, которые не верят *в Бога*. Но это совсем не значит, что они *ни во что* не верят и что поэтому их можно причислить к людям, живущим без всякой веры. Ведь возможно, что они верят не в Бога, а во что-то другое... Во что же? В нечто такое, что они принимают за главное и существенное в жизни, что действительно *для них* и есть *самое важное*, чем они дорожат и чему они служат, что составляет предмет их *желаний и стремлений*. Такое отношение и есть отношение *веры*; и кто имеет такой предмет, тот верит в него.

Этим мы вскрыли первое недоразумение, первый предрассудок: люди обычно думают, что «верить» это то же самое, что «признавать истину». На самом деле это не так: вера есть нечто гораздо большее, более творческое и более жизненное. Мы все считаем «истиною» – таблицу умножения, геометрические теоремы, химические формулы, географические данные, установленные исторические факты, законы логики; мы совершенно уверены в том, что они верны, что мы спокойно можем пользоваться этими истинами и применять их в жизни. Мы это и делаем, и притом уверенно и успешно: высчитываем, путешествуем, строим, наблюдаем природу, спорим, доказываем, составляем и принимаем лекарства и т. д. И что же? Все выходит, удается, подтверждается. То, что мы признали в теории за истину, оказывается и на практике правильным и верным. И мы все это знаем, и согласно этому мы в жизни и действуем. Но о *вере* здесь нет еще и речи...

«Верить» – это гораздо больше, чем «признавать за истину». И так обстоит и в теории, и на практике. Есть холодные истины, к которым мы и относимся холодно; мы устанавливаем их и пользуемся ими равнодушно или, самое большее, с некоторым «уважительным интересом». Мы узнаем о них и признаем их, не воспринимая их глубиной нашей души; мы подтверждаем их и соглашаемся «опираться» на них теоретически и практически, отнюдь не отзываясь на них сердцем. Они дают нам известную уверенность, но только во второстепенных делах, *не* в главных и важнейших вопросах нашей жизни. Они светят нам наподобие уличных фонарей,

без которых нам было бы и неудобно, и уютно, но душу нашу они не согревают и не воспаляют. Тысячу раз мы пройдем мимо них, или примем их во внимание, или даже воспользуемся ими без того, чтобы *могучие и творческие источники* нашей души пришли в движение; напротив – там все остается безразличным, молчаливым и неотзывчивым. Кто из нас начнет «верить» – в классификацию химических элементов, открытую Менделеевым, в таблицу логарифмов, в хронологический обзор событий XIX века, в горную карту Европы или Азии? И даже тот из нас, кто усомнится в этих «законах» или «истинах» и начнет критиковать их или опровергать – поколеблется не в *вере*, а только в *познавательной уверенности*.

О вере позволительно говорить только там, где истина воспринимается глубиной нашей души, где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа, где говорит сердце, а на его голос отзывается и остальное существо человека, где снимается печать именно с этого *водного ключа* нашей души, так что воды его приходят в движение и текут в жизнь.

Человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как *самое главное* в своей жизни. Скажи мне, что для тебя самое важное в жизни, и я скажу, во что ты веришь. Душа твоя прилепляется к тому, во что ты веришь, как бы живет и дышит им; ты *желаешь* предмета своей веры, ты ищешь его; он становится источником твоей *радости* и остается им даже тогда, когда тебе его не хватает. Здесь пребывают твои чувства и твое воображение. Словом, здесь *реальный центр* твоей жизни: тут твоя любовь, твое служение, тут ты идешь на жертвы. Здесь твое сокровище, а где сокровище твое, там и сердце твое, там и *вера* твоя.

И вот, сколько бы мы ни искали, мы не найдем такого человека, который *ни во что* не верил бы. Чем глубже заглянем мы в человеческую душу, тем скорее мы убедимся, что человек без веры вообще не может жить, ибо вера есть не что иное, как *главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки*.

Правда, не всегда легко установить, к чему прилепляется и тянется тот или другой человек... Иными словами: где бодрствует его душа? где она загорается? что для нее выше всего? в чем сокровище его жизни? где он способен жертвовать? Может быть и так, что он и сам этого не знает; или еще так, что, по-видимому, он в течение всей своей жизни «ни во что не верил»: явно относился ко всему безразлично, оставался тепло-прохладным; он как бы прозябал всю свою жизнь, не имея никакого реального центра, ни от чего не зажигался; нигде душа его не вела интенсивной жизни, не было у него сокровища, ничему он не служил и не жертвовал. Однако жизненные наблюдения заставляют нас установить, что такие люди, такие безразличные, «проблематические» натуры, являются обычно людьми с *дремлющею верою*. Пока над водами жизни царит безветрие, кажется, что их душа пребывает в тихой дремоте: мертвенно повисли паруса, малые волны повседневной жизни катятся мимо них без цели и смысла: ни воли, ни свершений, ни судьбы. Но *жизненная буря* может изменить всю эту картину. Потрясенная, возмущенная, может быть, раненая, душа пробуждается ото сна, собирается с силами, отличает главное от не главного, приемлет важнейшее и священное, совершает свой выбор, решение следует за решением, поступок за поступком – и жизненный корабль, руководимый верою, плывет на всех парусах. И если присмотреться к человеку в такой жизненный час, то всегда обнаружится, что процесс внутреннего отбора и оформления совершался уже давно – но в глубине, сокрытой от глаз, и как бы в некоторой медлительности. Где-то там, в таинственной тишине, уже возникала «твердь среди воды» и «свет» уже отделялся от «тьмы»... Но вот настал час страдания и воззвал голос великой беды; и что же? – все сложилось и созрело в кратчайшее время так, как если бы оно только и ожидало этого часа и этого голоса. Можно было бы сказать: зная уже развевалось – но мрак царил, и его не было видно; и исповедание уже сложилось – но пребывало в безмолвии; и выбор был уже совершен, и путь был предначертан – и оставалось только пойти по этому пути...

Жить на свете – значит *выбирать и стремиться*; кто выбирает и стремится, тот *служит* некоторой *ценности*, в которую он верит. Все люди верят: и образованные и необразованные,

и умные и глупые, и сильные и слабые. Одни сознают, что они верят, другие верят, не сознавая этого. Одни знают и то, что они *верят*, и то, *во что* они верят, а может быть, и то, *на каком основании* они верят. Другие верят просто, не зная этого за собою и, может быть, ни разу в жизни не подумав, во что же это они, собственно говоря, верят и есть ли у них какие-нибудь *основания* для этой веры. Но вера всегда остается *первичной силой человеческой жизни* – совершенно независимо от того, понимают люди это или нет. Человеку дана возможность дорожить своей верой, беречь ее, укреплять, очищать и углублять, как бы строить ее и воздвигать на ее основе свое мирозерцание и свой характер, формировать ее содержание в виде догмата и символа веры, создавать на этом фундаменте церковь и богослужение, превращать ее во всеохватывающую целокупность жизни и смерти. Однако человек имеет и другую возможность: пренебрегать своею верою, оставлять ее на произвол случайностей, пронизывать ее предрассудками и суевериями, превращать ее в слепой и разрушительный фанатизм или же отводить ей один уголок своей души, и притом самый трусливый и лицемерный. Человек может заблуждаться в своей вере и идти по ложным путям; он может разочаровываться в своей прежней вере и отходить от нее; хуже того, он может изменять своей вере по расчету и «продавать» ее. Но в одном человеку отказано, одного он не может: именно – *жить без веры*.

2. Вера и жизнь

Кто однажды поймет и продумает это, тот перестанет делить людей – на живущих «с верой» и живущих «без веры», или, во всяком случае, тот перестанет придавать этому условному и неточному делению прежнее значение; и благодаря этому он избавится от многих мнимых проблем, от целого ряда бесполезных парадоксов. Напротив, он поставит новый и чрезвычайно поучительный вопрос: во что же, собственно говоря, верят так называемые «неверы»? И если он сам причислял себя доселе к «неверам», к «безрелигиозным» или «безбожникам» – то во что же он сам при этом *все-таки верил*? Потому что оказывается, что он сам все-таки во что-то верил; это уже установлено. Верят все: и тепло-прохладный «свободомыслящий», и воинствующий безбожник, и ожесточенный материалист; верят и социалисты, и коммунисты, и гонители христианства... И чем решительнее эти «враги веры» нападают, чем ожесточеннее их преследование и воздвигаемые ими гонения, тем яснее они обнаруживают, что у них есть в виду нечто такое, что они считают «главнейшим» и «важнейшим»; они воображают, будто владеют какой-то важнейшей и драгоценнейшей истиной, к которой они прилепились душой и волей. Они считают себя «неверами»? Они объявляют себя «безбожниками»? Пусть. Этим они хотят только подчеркнуть, что они не принадлежат ни к какому определенному исповеданию, кроме... собственного, разделяемого ими самими, что они не входят ни в какую церковную общину, кроме... своей собственной общины, которую они не хотят называть «церковью» (обозначая ее как «партию», или как «орден», или как «международное общество»).... Да, они не верят в Бога; но это означает, что они *верят не в Бога, а во что-то иное*. Они критикуют или поносят веру вообще... Этим они как настоящие *фанатики своей веры* объявляют, что они признают только *свою веру обоснованной*, единственно верной и единственно допустимой; все же остальные веры и исповедания они относят к «глупым предрассудкам» или «вредным суевериям». Они воображают, будто они одни владеют тем спасительным словом, той непогрешимой правдой, которая освобождает и оплодотворяет благие, творческие силы человека, будто им одним известно то начало, тот принцип, который верно отличает «главное» от «неглавного», «доброе» от «злого», который указывает человеку *верную цель* его жизни и *верный путь*, ведущий к этой цели. Они – верят и воображают, будто обладают истиной и единственно верной верой. И тот, кто читал писания воинствующих безбожников и присматривался к их разрушительной работе, тот не может не согласиться, что эта характеристика соответствует действительности.

Но во что же верят те люди, которые верят *не в Бога* и потому считают себя «неверами» вообще, или «безбожниками»? Они верят во всевозможные *небожественные* силы и обстоятельства.

Большинство верит, по-видимому, в *наслаждения* или особенно в *чувственные наслаждения*, во все, что к ним ведет и с ними связано; это для них – важнейшее в жизни; это их цель, это их путь; этому они служат, ради этого они жертвуют всем остальным; здесь у них критерий, по которому они отличают «хорошее» от «дурного»; здесь их «сокровище» и их сердце. Есть такие люди, которые признают и выговаривают это открыто: «я хочу земного счастья, наслаждения и спокойствия – ибо это главное в жизни» (гедонизм), «я ищу в жизни денег и власти» (маммонизм), «главное в том, чтобы все люди несли одинаковую работу и имели одинаковые права, ибо только тогда они смогут одинаково наслаждаться жизнью, быть равно счастливыми» (социализм), «все дело в том, чтобы дерзновенно завладеть земными благами и безоглядно наслаждаться ими» (большевизм), «главное в том, чтобы дать массам земные блага и удобства, а для этого надо у всех все отнять (всеобщая пролетаризация) и всех подчинить монопольному работодателю (всеобщее хозяйственное и политическое порабощение, коммунизм)» и т. д.

Однако наряду с этими течениями есть немало таких людей, которые не выговаривают вслух своей веры и не признаются, в чем же она собственно состоит: одни из них просто избегают касаться этих вопросов, другие скромно ссылаются на свою внутреннюю неуверенность, третьи выдвигают теорию, в силу которой человек вообще не может иметь никакого «достоверного знания» (агностицизм), иные ссылаются на свое неотъемлемое право – оставаться «безразличными» и на свою обязанность – относиться терпимо ко всякому чужому верованию, иные же отступают в сферу проблематического «свободомыслия»... В известном смысле они правы: верить можно только искренно и свободно, а свобода требует веротерпимости, нельзя принудить человека к той или иной вере и никто не обязан рассказывать другим людям вслух, во что именно и как именно он верит... Но видимое «безразличие» и явное умолчание, действительная скромность и насмешливая мистификация – *не освобождают человека* от неизбежности верить. Нельзя человеку не иметь определенной жизненной цели и жизненной ценности, в которые он верит и которым он служит. Однако психологически можно понять, что есть люди, у которых эта «высшая» и «главная» жизненная ценность такова, что для них выгоднее умалчивать о ней и замалчивать ее до конца. Ведь молчание создает некий загадочный мрак, в котором многое неразлично и многое может остаться сокровенным... И не всегда бывает легко установить, кто молчит от настоящей религиозной скромности, а кто из умного или хитрого житейского расчета...

Если бы удалось однажды пронизать все человеческие сердца без исключения таинственным лучом света так, чтобы у всех выступила и въяве обнаружилась *главная ценность жизни, составляющая предмет веры*, то очень возможно, что все мы просто ужаснулись бы... Потому что, вероятно, оказалось бы, что большинство людей верит в нечто такое, что не только не обещает им ни блага, ни спасения, но что прямо ведет их к гибели. Люди живут и верят очень часто в слепоте и беспомощности, и не знают и не догадываются о том, что человеку надлежит *строить свою веру*, а не предоставлять ей расти наподобие полевой травы; и вследствие этого люди очень часто верят, т. е. прилепляются не только своим «правдоподобным» мнением, а сердцем, волею и делами, служением и жертвенностью к таким жизненным содержаниям, служить которым и идти на жертвы ради которых поистине *нет никакого смысла*...

Вот ключ к современному духовному кризису, охватывающему все человечество. И овладев этим ключом, и поняв, что происходит в мире, мы не можем не подивиться тому, что современному человечеству, в общем и целом, живется все еще *так* хорошо и *слишком* хорошо, по сравнению с теми бедами и страданиями, которые могут возникнуть из этого кризиса.

Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью; согласно этому закону, человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит. Чем сильнее и цельнее его вера, тем явственнее и убедительнее обнаруживается этот закон. Это нетрудно понять: душа человека пленяется тем, во что она верит, и оказывается в плену; это содержание начинает господствовать в душе человека, как бы поглощает ее силы и заполняет ее объем. Веря во что-нибудь, человек постоянно ищет этот предмет, предпочитает его, занимается им и явно и втайне; человек воображает себе этот предмет, вступает с ним в самые прочные отношения, желает его; этот предмет как бы занимает и поглощает его внимание, его сосредоточенность, его душевные силы. Это можно было бы выразить так: человек постоянно (то сознательно, то бессознательно) *медитирует*¹ о том предмете, в который он верит. Вследствие этого *душа вживается в этот предмет, а самый предмет, в который она верит, проникает в душу до самой его глубины*. Возникает некое подлинное и живое *тождество*: душа и предмет вступают в особое *единение*, образуют *новое живое единство*. И тогда мы видим, как в глазах у человека сияет и сверкает предмет его веры; то, во что ты веришь, сжимает трепетом твое сердце, напрягает в минуту поступка твои мускулы, направляет твои шаги, прорывается в словах и осуществляется в поступках...

Так обстоит всегда. Если человек верит только в чувственные наслаждения, принимая *их* за главнейшее в жизни, *их* любя, *им* служа и предаваясь, – то он сам превращается постепенно в чувственное существо, в искателя земных удовольствий, в наслаждающееся животное; и это будет выражаться в его лице и в его походке, смотреть из его глаз и управлять его поступками. Если человек верит в деньги и власть, то душа его постепенно высохнет в голодной жадности, в холодной жажде власти; и опытный наблюдатель прочтет все это в его взоре, услышит в его речи и не ошибется, ожидая от него соответствующих поступков. Если он поверит в классовую борьбу и завистливое равенство, то он сам скоро станет профессиональным завистником и ненавистником, и в глазах его отразится черствая злоба, а в поступках – политическое ожесточение и т. д.

Однако тот же самый закон обнаруживается и на благих путях, но с тем различием, что человек будет не «верить», а «веровать», и это придаст его вере особую силу и глубину.

Замечательно, что русский язык придает идее «веры» два различных значения: одно связывает *веру* с потребностью *верить*, а другое – со способностью *веровать*.

Верят — все люди, сознательно или бессознательно, злобно или добродушно, сильно или слабо. *Веруют же* — далеко не все: ибо *верование* предполагает в человеке способность прилепиться душою (сердцем, и волею, и делами) к тому, что действительно заслуживает веры, что дается людям в духовном опыте, что открывает им некий «путь ко спасению»². В карты, в сны, в гадание, в астрологические гороскопы – верят, но в Бога и во все божественное – веруют³. В суеверия «верят» – верят от страха и боятся от своей веры; и чем больше боятся, тем сильнее верят, и обратно. Но в то, что подлинно есть (что не «всуе», не напрасно), – «веруют», и от этой верующей веры получают спокойствие и перестают бояться. «Верящие» люди чаще всего не имеют единого и общего им всем духовного предмета, и потому их вера *разъединяет* их, не создавая ни религии, ни церкви. Но «верующие» люди имеют единый и общий им всем духовный Предмет; они вступают в творческое единение с Ним, а через это объединяются между собою; слагается религия и церковь.

Важно отметить, что оба эти оттенка, передаваемые глагольной формой, сливаются и как бы исчезают в существительном «вера». Вера живет и в том, кто «верит», и в том, кто «верует».

¹ Т. е. сосредоточенно помышляет о нем всеми своими душевными силами.

² См. замечательный труд Феофана Затворника, так именно и озаглавленный.

³ Терминология допускает такое словопотребление: «верить» можно и в высшее – «я верю в Бога», «я не верю в бессмертие души»; но в низшее «веровать» нельзя. Нельзя сказать: «я верую в карты» или «я верую в дурные приметы»... Подобно этому: в сильного человека, в вождя «верят», а не «веруют».

Она выражает у обоих склонность души видеть в чем-то жизненно-главное и руководящее и прилепляться к нему своим доверием и преклонением. Но эта приверженность души поднимает человека на настоящую высоту только тогда, когда она находит себе высший и достойный предмет⁴.

И вот, если закон *«отождествления через веру»* обнаруживается уже на низших ступенях жизни и веры, то настоящей силы и полноты он достигает именно у верующих людей.

Если человек верует в Бога или хотя бы в божественное начало, проявляющееся в земных явлениях и обстоятельствах, – то божественные содержания становятся для него жизненным центром и в созерцаниях, и в поступках, чем-то важнейшим и главнейшим, любимым, искомым, желанным и уже в силу одного этого – всегда присутствующим в душе обстоянием. *Узреть* с очевидностью *лучшее* и не восхотеть его, и не *осуществить* его – почти невозможно для человека; но также невозможно для него *осуществить* это лучшее и не *стать* самому лучшим, чем был раньше. Веровать в Бога значит стремиться к созерцанию Его, молитвенно «медитировать» о Нем, стремиться к осуществлению Его роли и Его закона; от этого возрастает и усиливается божественный огонь в самом человеке, он очищает его душу и насыщает его поступки. На высших ступенях такой жизни возникает то живое и таинственное единение между человеком и Богом, о котором так вдохновенно и ясновидчески писал Макарий Великий, характеризуя его как внутреннее «срастание» или «растворение» (по-гречески «κρᾶσις»), от которого душа становится «вся – светом, вся – оком, вся – радостью, вся – упоением, вся – любовью, вся – милосердием, вся благостью и добротой»⁵... Естественно, что от такого перерождения души изменяется и внешний вид человека, о чем он сам может и не знать, но что другим людям бывает трудно не заметить⁶.

Отшельник, проводящий свою жизнь в «богомолении» и «богоделании» («θεωλοΐησις», по выражению Макария Великого), приобретает некую подлинную богоозаренность в душе и в ее телесном обнаружении. Подобно этому – душа истинного художника становится гармонической, поющей, мернозданною, утонченно созерцательною; и самое лицо его может стать ликом. Так, горящее сердце патриота укореняется в духе, силе и славе его родины. А тот, кто занимается черной магией и медитирует о сатане, незаметно становится сам, и по лицу и по голосу, дьяволообразным...

Кто во что верует, тот тем и живет, и обратно: скажи мне, чем ты живешь как самым важным для тебя, и я скажу тебе, во что ты веришь или веруешь. Ибо человек есть не что иное, как живая целокупность того, чем он живет и что он осуществляет, и притом именно потому, что он *это любит и в это верит*. Вот почему: «по плодам их узнаете их» (Мф. 7:16, 20).

3. Не все заслуживает веры

Так выясняется живая сила веры и – благой и дурной, и мудрой и неразумной, и парящей и пресмыкающейся. Как только слагается вера во что-нибудь определенное, слагается и захватывает душу, она оказывается *первичной, ведущей силой человеческой жизни*. Напрасно было бы принимать «твердое решение» – ни во что не верить. Это могло бы привести только к самообману, ибо человек все-таки будет верить и только напрасно внушать себе, что он «решительно» ни во что не верит; или же он будет условно понимать веру как веру в Божественное, запрещать себе именно эту благую, мудрую и парящую веру, подрывать и уродовать ее в себе и уже силою этого прилепляться душою к чему-нибудь богопротивному, дурному и гибельному.

---

⁴ Это различие между «верящим» и «верующим» человеком мы и будем соблюдать в дальнейшем изложении.

⁵ Ср. у ап. Павла: «А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом». I Кор. 6:17.

⁶ Ср. Библию. Исход. Гл. 34, стих 29–30: сходя с горы Синая, «Моисей не знал, что лицо его стало сиять лучами от того, что Бог говорил с ним. И увидел Моисея Аарон и все сыны Израилевы, и вот, лице его сияет, и боялись подойти к нему»...

Поистине это безразлично, во что люди верят; и во многое, во что люди верят, – не стоит верить, ибо от этого не будет ничего, кроме вреда и гибели. Вера указывает человеку его *жизненный путь*; она определяет его *отношение к себе, к людям, к природе* и ко всему *священному* в жизни человека. И потому совсем не безразлично, верит ли человек в пошлое, разъединяющее, уродливое и погрязает вследствие этого в животности и злобе, или он верует в духовно-значительное, соединяющее и прекрасное и вследствие этого парит наподобие ангела в благом и мудром служении. Вот почему надо признать, что решительно не все заслуживает веры.

Но что же именно заслуживает ее? Во что стоит верить? Есть ли здесь какой-нибудь верный и убедительный критерий?

Вот ответ. *Жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть*; ибо *смерть* есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний. Достаточно самому применить этот критерий со всей надлежащей серьезностью и во всем его глубоком значении и осветить им любое жизненное содержание – и его верность и убедительность раскроется перед очами.

Смерть ставит перед нами вопрос о самом главном, об основах нашего земного существования, о личной жизни в ее целом. Смерть есть та сила, которая обрывает поток повседневных обстоятельств и впечатлений и выводит человека из него; она ставит нас перед основным вопросом: «ради чего ты живешь? во что веришь? чему ты служишь? в чем смысл твоей жизни? верен ли твой выбор, или ты до сих пор даже и не удосужился выбрать что-нибудь? стоит ли жить тем, чем ты живешь, и верить в то, во что ты веришь? если стоит, то за это стоит бороться и умереть! Ибо *то, что не стоит смерти, то не стоит ни жизни, ни веры!*...»

Это обнаруживается и подтверждается даже в самых простых, житейски повседневных условиях: кто живет для собственного удовольствия или личного наслаждения и ни во что другое не верит – тот видит во всем (в вещах, в богатстве, в людях, в своем государстве) лишь средство или орудие и ни с чем не связывает себя безусловной связью, на жизнь и на смерть; ему не за что бороться до конца, ему нет смысла рисковать в этой борьбе своей жизнью; и потому при появлении смертельной опасности он будет думать только о себе и о спасении своей жизни любой ценой. Он все побросает и от всего отречется, соображая, что если он сохранит жизнь, то он сохранит и возможность новых наслаждений в будущем, а если он утратит жизнь, то он утратит и все возможные земные наслаждения. И, став неожиданно для самого себя дезертиром своего жизненного пути, он, может быть, впервые спросит себя: «да стоило ли мне жить тем, чем я жил доселе, если я так легко отрекся от этого без борьбы? не служил ли я каким-то кумирам, которым не стоило и служить?»

Так обстоит со всеми людьми, которые не видят в жизни ничего, кроме земного, чувственного, и не имеют в виду главного, всеобщего и духовного: как только перед ними встает вопрос о главном и личная смерть оказывается у порога, они бросают все и спасают свою жизнь; им нет смысла бороться за какую бы то ни было земную единичность, ибо личная жизнь кажется им дороже всякого отдельного (да еще земного и чувственного) жизненного содержания. Но если они начинают борьбу и ведут ее на смерть, говоря: «лучше совсем не жить, чем потерять дом, семью или свободу», – то это означает, что с этими благами у них был связан некоторый высший смысл и священное значение и что здесь у них дело не сводилось к личным наслаждениям. Можно понять, что человек отдает свою жизнь в борьбе за свое право, за свободу, за веру, за родину, за храмы, за свой народ, но отдать ее за личные удовольствия – просто *не стоит*.

Это мы видим всюду, где у людей сохранилось хотя бы немножко чутья для высшего смысла жизни и для истинного значения веры: там они воспринимают смертельную опасность, откуда бы она ни надвигалась, – будь это болезнь, или война, или землетрясение, или политический террор, или какая бы то ни была иная катастрофа – как призыв, как пробуждение,

как потребность одуматься или даже как начало глубокого жизненного обновления. И только там, где это чутье для высшего смысла жизни и для истинного значения веры совсем иссякло и отлетело, где душа впала в совершенную религиозную слепоту и бесплодность, – только там человек может перед лицом какой-нибудь опасности или неудачи проклясть самую жизнь свою и от случившегося с ним несчастья искать спасения в смерти. Такие люди живут всю свою жизнь так, как если бы для них были только две возможности: *наслаждение* или *смерть*. Наслаждение определяет и исчерпывает смысл их жизни и содержание их веры; но именно поэтому смерть их остается столь же бессмысленной, сколь бессмысленна была и вся их жизнь.

Скажи мне, за что ты хотел бы отдать свою жизнь, а я скажу тебе, во что ты веришь. Ибо вера ставит каждого из нас перед высшей ценностью жизни, перед последним вопросом бытия, перед нашим существованием в целом: *когда смерть вопрошает душу, то душа отвечает верою*. Верующему свойственно крепко держаться за свою веру – и в жизни, и перед лицом смерти; но именно перед лицом смерти ему неизбежно спросить самого себя: да стоило ли, в самом деле, жить тем, чем я жил до сих пор? Верна ли и крепка ли была моя вера?

Вот почему каждый из нас должен спросить себя: стоит ли отдавать жизнь за то, во что я верю? Имеет ли смысл умирать за это? Послужит ли моя смерть некоторому высшему и общему делу, которое не кончится с моей жизнью, но переживет меня, которое осмыслит мою жизнь и освятит мою смерть, которое вознесет меня выше меня самого и вплетет мои силы и мое служение в божественную ткань мироздания? Если да, то я верю во что-то *истинно священное*, во что стоит веровать, за что стоит бороться и умереть. Если нет, то я, вероятно, заблуждаюсь в моей вере и верю в нечто нестоящее; и тогда мне необходимо пересмотреть всю мою веру и всю мою жизнь до самой глубины и обновить их так, чтобы вера моя стоила борьбы на смерть, а жизнь приобрела бы смысл, не исчерпывающийся смертью.

И еще каждый из нас должен спросить себя: способен ли я, готов ли я умереть за то, во что я верю? Если *да*, то моя вера сильна, глубока и действенна. А если *нет*, то сила моей веры невелика, и, может быть, она невелика именно потому, что прилепилась к нестоящему. Ибо поистине – огонь веры усиливается от прикосновения к подлинно священному и становится неборимым пламенем от единения с подлинно божественным; этот огонь истинной веры, хотя и живет в личной душе человека, но источником своим имеет не только ее одну...

Все то, что мы высказали, можно было объяснить так. Человек не может жить без веры, но он может иметь веру слабую, ибо далеко не всякое жизненное содержание заслуживает веры. Слепо и неумно прилепляться к чисто земным обстоятельствам, т. е. к чувственно-единичным вещам как таковым, превращать их в настоящий центр своей жизни, принимать их как свое любимое и главное, поклоняться им как высшей ценности, видеть в них высшую цель жизни, служить им и жертвовать ради них всем остальным. Из этого могут возникнуть только внутренние противоречия, измена и бессмыслица. Такая вера унижает самого верующего, ибо она превращает его самого в случайного слугу случайностей, во что-то несущественное, как бы в существо двух измерений (ибо остаются два измерения: *тело и душа*, слепые для *духа* и оторвавшиеся от него). Такая вера подрывает свою собственную силу и свой собственный смысл, она с самого начала дышит неверностью и предательством и испаряется при первом дыхании смерти. Конечно, человеку предоставлено верить во все, что ему угодно, и в нелепость, и во вредоносное, и в погибельное; и вследствие этого нетрудно найти людей, которые в действительности верят в подобные вещи – в суеверные приметы (нелепое), в целебное искусство шарлатанов (вредоносное), в культивирование темных, сатанинских сил души (погибельное). Но человеку не дана возможность создать из нелепости или из любого порока – *религию и церковь*. Религия и церковь возможны только при наличности совсем особых условий, а именно: *глубокого и искреннего чувства и сильной, творческой веры*, а это дается только *жизненно здоровому духу*; и далее, необходимо такое *содержание* веры и такой *уровень* ее, которые были бы

свободны от *душеразрушительного влияния*, от духовных ценностей и от начатков внутреннего предательства.

Однако во всех случаях и на всех путях жизни *человек живет и умирает, или влача земные оковы своей веры, или несомый ее духовными крыльями...*

4. Знание и вера

В наши дни есть еще один предрассудок в отношении к вере, согласно которому «знание» есть нечто достоверное, доказательное, истинное, а «вера» есть в конечном счете не более чем «суеверие» (т. е. вера все, напрасная и неосновательная). Доказанное и обоснованное не приемлется на веру: оно познается и знает, оно мыслится. Верить же можно лишь в то, что не обосновывается и что поэтому *не основательно*, в то, что не доказывается и потому не имеет за себя *ничего достоверного*. Поэтому здесь только и можно «верить» или «веровать».

С этой точки зрения многие из наших современников говорят почтительно или даже с пафосом о мысли, знании и науке, и с презрением или по крайней мере со снисхождением о вере и верующих людях. Кто расположен к снисхождению и терпимости, тот осуждает веру и верующих не так строго: надо уж представить «глупым» и «необразованным» верить в их «фантазии», что же с ними поделаешь, особенно если фантазии «приличны» и «гуманны». Но кто «серьезно» относится к знанию и доказательству и помнит о вреде предрассудков и об опасности суеверий, тот уже не обнаруживает ни снисхождения, ни терпимости; он уже категорически требует «просвещения» и «борьбы с обскурантизмом». Но если всякая вера есть, в сущности говоря, «суеверие», а насаждают суеверие именно упорные и злобные обскуранты, с которыми необходимо бороться, то приговор над *христианством* во всех его исповеданиях оказывается уже произнесенным...

Ясно, что в этом предрассудке при последовательном и волевом отношении к нему уже заложено *гонение на христианство*.

За этим предрассудком скрывается на самом деле целое гнездо недоразумений и ошибок. С одной стороны, это воззрение безмерно переоценивает мысль и знание и придает так называемым «доказательствам» преувеличенное значение, ибо на самом деле многое, что люди причисляют к «мыслимому» и «знаемому», – остается необоснованным и не доказанным. С другой стороны, вера и суеверие совсем не одно и то же, в области веры имеется *своя особая достоверность* и свои полноценные основания, не замечать их или отвертываться от них можно только по недостатку духовного опыта.

Так, прежде всего, было бы совсем наивно думать, что человеческое «мышление» и «знание» не делает ошибок или что оно способно доказать каждое свое утверждение. Вся картина мироздания в том виде, как его очерчивает наука, покоится на очень спорных и часто неясных гипотезах, которые иногда отчасти «подтверждаются» новыми наблюдениями, а иногда опровергаются и тогда отвергаются. Эти гипотезы полезны, необходимы и драгоценны, без них исследование мира не могло бы совершаться и наука стала бы невозможной. Но они совсем не суть «доказанные истины», даже и те из них, которые *доселе* подтверждались при наблюдениях. Чем дальше человек стоит от научной лаборатории, тем более он иногда бывает склонен преувеличивать достоверность научных предположения и объяснений. *Полуобразованные люди* слишком часто *верят* в «науку» так, как если бы ей было все доступно и ясно; чем проще, чем элементарнее, чем площе какое-нибудь утверждение, тем оно кажется им «убедительнее» и «окончательнее»; и только настоящие ученые знают границы своего знания и понимают, что *истина* есть их *трудное задание и далекая цель*, а совсем не легкая, ежедневная добыча.

Настоящий ученый прекрасно понимает, что «научная» картина мироздания *все время* *меняется*, все осложняясь, углубляясь, уходя в детали и никогда не давая ни полной ясности, ни единства. Достаточно вспомнить, как изменилась вся картина мира после того, как астро-

номическая система Птолемея была вытеснена системой Коперника, или – что дало науке и народам открытие электричества, или радия, или беспроводной передачи, или раскопки доисторических городищ, или спектральный анализ. Настоящий ученый знает, что наука никогда не будет в состоянии объяснить свои последние предпосылки или определить свои основные понятия, напр., точно установить, что такое «атом», «электрон», «витамин», «энергия» или «психологическая функция»; он знает, что все его «определения», «объяснения» и «теории» – суть только несовершенные попытки приблизиться к *живой тайне* материального и душевного мира. О продуктивности науки не стоит спорить: за нее свидетельствуют вся современная техника и медицина. Но что касается ее теоретических истин и их доказуемости, то наука плавает по морям проблематического и таинственного.

Здесь проходит грань между ученым и полуобразованным.

Настоящий ученый знает, доколе простирается его знание, и потому он духовно скромнен. Он ищет и пытается доказывать, он всегда добивается *максимальной* достоверности и доказательности, ясности и точности, но именно поэтому он знает, сколь трудно это дается, и всегда помнит, что полной достоверности у науки нет. Он всегда помнит, сколь ограничен *объем* того, что «уже познано», и сколь сравнительно невелика сила и компетентность научной мысли, ибо поистине мысль есть только *одна из способностей* человека, наряду с другими, а научная мысль нуждается в *опыте*, для которого необходимо чувственно воспринимать, ощущать, чувствовать, желать, воображать, созерцать и совершать поступки. Настоящий ученый понимает все это и не переоценивает ни отвлеченную мысль, ни науку в целом. Вот почему он не верит в отвлеченные схемы и мертвые формулы и хранит в себе живое ощущение глубокого, таинственного и священного. Этим и объясняется то обстоятельство, что среди настоящих и великих ученых многие питали и питают живую веру в Бога: их взор не ослеплялся тем, что уже познано и добыто, но оставался прикованным к тайнам мироздания и к скрытым в них богатствам, а созерцание этих тайн пробуждало в них тот внутренний, духовный опыт, от которого родится религиозное настроение и «верующая» вера. Так, истинная ученость не уводит от Бога, а ведет к Нему.

Совсем иное дело полуобразованность. Такой человек не умеет исследовать и познавать, он умеет только «понимать» то, что просто и плоско, и – помнить. Он живет заученными формулами, от которых в голове все становится плоско и просто, он принимает это за «ясность» и поэтому воображает, будто все ему ясно и будто он призван все «объяснять» другим. Вот откуда у полуобразованных людей эта безмерная притязательность и безответственность: добыв без труда свою плоскую ясность, не научившись в труде познания – ни ответственности, ни скромности, они смотрят не вверх, а вниз, не вглубь, а в отвлеченную пустоту, где все легко, легкомысленно и беспочвенно. Они не создают сами ничего, но заимствуют все у других, перенимая, подражая, подхватывая и повторяя. Есть немало людей, у которых и самое чтение книг получает такое же значение: по слову одного наблюдательного ученого, «они и читают-то только для того, чтобы иметь право не думать самостоятельно»... Нередко они выбирают себе какого-нибудь одного человека, который становится их «авторитетом», «учителем» и «вождем». Тогда они начинают верить в него и в его формулы. Все, что не укладывается в эти формулы, – или вовсе не существует для них, или подлежит «искоренению»; все несогласные с ними объявляются вредными лжецами и лицемерами. Такие полуобразованные фанатики верят своему «учителю» с той же легкомысленной неосновательностью, с какую они верят во всемогущество мысли и в свою мнимую «науку». Таинственная глубина материального и душевного мира остается им недоступной, и все их воззрение на природу и на людей оказывается предметом их *суеверия*. И нередко бывает так, что чем пошлее их миропонимание, тем фанатичнее они *верят* в него. *Веровать же* они не способны и к религии относятся с презрением и враждебностью, не подозревая о том, что именно у *верующих* вера может быть ответственной, серьезной и глубокой. Вот источник современного воинствующего безбожия.

Это состояние души, распространенное в современном человечестве, давно уже было подмечено нашими поэтами, описано и осуждено ими.

Так, у друга Пушкина, князя П. А. Вяземского, мы находим следующие гневные строки:

Наш разум, омрачась слепым высокомерьем,
Готов признать мечтой и детским суеверьем
Все, что не может он подвести под свой расчет.
Но разве во сто раз не суеверней тот,
Кто верует в себя, а сам себе загадкой,
Кто гордо оперся на свой рассудок шаткий
И в нем боготворит свой собственный кумир?..⁷

Еще глубже и пророчественнее звучит та же мысль у Тютчева:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит...

Увы, люди этого уклада, по-видимому, далеки еще от сознания своей «погибели». Они все еще верят в свою «полунауку».

Достоевский имел это в виду, когда писал: «Полунаука самый страшный бич человечества... Полунаука – это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым все преклонилось... с суеверием, до сих пор немислимым...»⁸

Но если полуобразованные люди склонны переоценивать науку и ее силы, то сущность истинной веры и религия остается для них совсем непонятной.

На самом деле религиозная вера вовсе не связана с «глупостью» и «невежеством», она нужна всем людям: и самым умным, и самым образованным. К сожалению, в мире немало людей, которые *не умеют* возвести свою слепую веру на уровень духовно-зрячего, религиозного верования; и наряду с ними есть еще больше людей, которые «принципиально» *не хотят верить, но совсем не верить* не могут, и потому верят в нелепое и вздорное, а потом не хотят признаться в этом, отрицают свою веру и уверяют, что их нелепости «познаны» и «доказаны» (напр., воинствующие материалисты). И как же не противопоставить им тех многих умных и научно образованных людей, которые верно постигли сущность науки и границы человеческой мысли и тем освободили в своей душе место для *искренней и чистой веры в Бога!*

Для того чтобы это утверждение не казалось голословным, приведем несколько живых свидетельств, высказанных великими естествоведами за последние четыре века. Их можно было бы привести гораздо больше⁹.

Вот суждение великого славянина Коперника (1473–1543):

---

⁷ Кн. П. А. Вяземский. Молитвенные думы.

⁸ Достоевский. Бесы. Часть вторая. Глава первая. VII.

⁹ См. книгу Деннерта: Professor Dr. E. Dennert. Die Religion der Naturforscher. <Berlin, 1908. – 76 S.>

«Созерцая мысленно великолепный порядок мироздания, управляемый с божественной премудростью, кто не почувствовал бы, что постоянное созерцание его и, так сказать, интимное общение с ним возводят человека к Высшему и к восхищению перед всезидущим Строителем вселенной, в котором пребывает высшее блаженство и который есть венец всякого добра...»

А вот суждение Бэкона Веруламского (1561–1626):

«Только поверхностное знание природы может увести нас от Бога; напротив, более глубокое и основательное ведет нас назад, к Нему...»

Знаменитый хирург своего времени Парэ (1517–1590) говорил о своих пациентах: «Я перевязывал, целил – Господь...»

Галилео Галилей (1564–1642) записал: «И Священное Писание и природа исходят от Божественного Слова; первое – как внушение Святого Духа, вторая – как исполнительница Божьих велений...»

У Кеплера (1571–1630) читаем: «В творении – я касаюсь Бога как бы руками...» и еще: «О, Отец света, Ты, который при помощи естественного света пробуждаешь в нас желание света благодати, чтобы возвести нас к свету величия! Благодарю Тебя, о мой Создатель и Господь, за то, что Ты обрадовал меня творением Твоим, ибо я был в восторге от дела рук Твоих...»

Вот суждение знаменитого Бойля (1626–1691): «Истинный естествоиспытатель нигде не может проникнуть в познание тайн творения без того, чтобы не воспринять перст Божий».

Гёте (1749–1842) пишет: «Время сомнения прошло – теперь люди так же мало сомневаются в самих себе, как в Боге».

Заслуженный физик Эрстед (1777–1851) отметил: «Всякое основательное знание природы ведет к познанию Бога».

Анатом фон Халлер (1708–1777) высказал следующее признание: «Меня познание природы научило мыслить более возвышенно о Боге, пред которым наша земля есть одна из маленьких пылинок, лежащих в бесчисленном множестве у подножия его трона...»

Лаконическую формулу оставил нам астроном Мэдлер (1794–1874): «Настоящий естествоиспытатель не может быть отрицателем Бога...»

Знаменитый геолог Лиэлль (1797–1875) записал следующее: «В каком бы направлении мы ни повели наши исследования, всюду мы открываем самые ясные доказательства творческого Разума или его провидения, силы и мудрости».

Следующие два замечания мы находим у православного химика Либиха (1803–1873): «Это все мнения дилетантов, которые из своих прогулок у пограничных областей естествознания выводят свое право разьяснять не знающей и легковерной публике, как это, собственно говоря, возникли мир и жизнь и сколь далеко зашел человек в исследовании высших предметов». «Не забывайте, – говорил он своим студентам, – что мы при всех наших знаниях и исследованиях остаемся близорукими людьми, сила которых коренится в том, что мы имеем опору в высшем Существо».

Зоолог Агассиц (1807–1873) устанавливает: «Из изучения природы каждый должен вынести убеждение, что все упорядочено неким возвышенным Духом».

Ботаник Шлейден (1804–1881) высказывается в том же самом направлении: «Именно настоящий и точный естествоиспытатель никогда не может стать материалистом в современном смысле слова, отрицателем духа, свободы и Божества».

Весьма интересное признание мы находим у Чарльза Дарвина (1809–1882): «В состояниях самого крайнего колебания я никогда не был атеистом в том смысле, чтобы я отрицал существование Бога».

Известный ученый фон Майер (1814–1878), открывший закон сохранения энергии, пишет: «Если поверхностные головы, охотно выдающие себя за героев дня, не хотят признавать вообще ничего иного и высшего, кроме материального, чувственно воспринимаемого мира,

то такую претензию отдельных лиц нельзя ставить в укор науке; еще менее пользы и чести будет самой науке от этой претензии». «Из целостного, полного сердца восклицаю я: истинная философия не может и не смеет быть ничем иным, кроме как пропедевтикой для христианской религии».

Приведем, наконец, суждение знаменитого французского ученого Дюбуа-Реймона (1818–1896): «Только Божественному всемогуществу можем мы достойно приписать, что оно до всякого представимого времени создало всю материю посредством творческого акта...»

Приведенного достаточно. Желающие пусть обратятся еще к Ньютону, Лейбницу, Фехнеру и к философам всех времен и народов, исходившим непосредственно из духовного опыта¹⁰. Один из глубокомысленнейших историков XIX века (Карлейль) точно передает основной дух приведенных нами формул, когда говорит: «Человек вообще не может знать, если он не молится чему-то в определенной форме. Нет этого – и все его знание оказывается пустым педантством, сухим чертополохом...»

Но молиться имеет смысл только тому, чему действительно стоит молиться. Как же могут люди воспринимать Бога? Где же путь, ведущий к Нему?

Благо тому, в чьей душе этот путь проторен с раннего детства...

Но как быть ищущему и еще не нашедшему?

5. Источник веры

Итак, знание и вера совсем не исключают друг друга. С одной стороны, потому что положительная наука, если она стоит на высоте, не преувеличивает ни своего объема, ни своей достоверности и совсем не пытается судить о предметах веры; она не судит о них ни положительно («есть Бог», «жизнь человека имеет высший, священный смысл»), ни отрицательно («Бога нет», «человек не выше обезьяны» и т. п.). Ее граница – чувственный опыт, ее метод – объяснять все явления естественными законами и стараться доказать каждое свое суждение. Она держится за этот опыт и за этот метод, отнюдь не утверждая, что они всеобъемлющи и исчерпывающи, и отнюдь не отрицая того, что можно достигнуть истины в другой области при помощи *другого опыта и другого метода*¹¹.

С другой стороны, настоящая вера вырастает именно из этого *другого опыта* и идет своим *особым путем* («методом»), отнюдь не вторгаясь в научную область, не вытесняя и не заменяя ее.

Тот, кто полагает, что вера есть нечто произвольное, несерьезное и безответственное и что веровать можно только без всяких оснований в недостоверное и выдуманное, – тот жестоко ошибается; и ошибка его проистекает из наивности. Так, он, конечно, воображает, будто он хорошо знает и понимает, *что такое человеческий опыт* и что значит *обоснованность и достоверность*. На самом же деле он этого *не* знает и *не* понимает, и в этом его наивность. Поэтому он должен однажды убедиться в том, что он всего этого не понимает, и, убедившись, отказаться от своего предрассудка и взять назад все свои суждения.

На самом деле человеческий опыт бесконечно шире, богаче и разнообразнее, чем это представляют себе современные материалисты и безбожники. Когда они говорят об этом, то они представляют себе *чувственный опыт*, который дается человеку через его внешние чувства (зрение, слух, осязание и т. д.) и открывает ему доступ к материальному миру. Человек, прилепившийся исключительно к чувственным ощущениям (сенсуалист) и принимающий всерьез только то, что они ему приносят (а они говорят ему только о внешних, пространственно-протяженных вещах, т. е. о материальном), станет, сам того не замечая, материалистом.

---

¹⁰ См. следующий раздел «Источник веры».

¹¹ Метод есть слово греческое и обозначает буквально «путь вслед за чем-нибудь», «путь к известной цели».

Материалист привержен к одному-единственному источнику опыта, он верит только в него и пользуется только им, этот источник составляют внешние ощущения. Вследствие этого материалист отличается односторонностью, ограниченностью, скудостью своего опыта. Это не значит, что он в действительности имеет дело только с внешними, чувственными восприятиями, так что он только и может видеть, слышать, обонять, касаться и иметь вкусовые раздражения; нет, но он вырабатывает себе (иногда бессознательно, иногда сознательно) такую душевную установку, *как если бы он не имел никакого другого опыта*. Он живет и думает так, как если бы в его опыте не было никаких *нечувственных содержаний*, как если бы доказывать и обосновывать можно было только при помощи чувственных восприятий и только в области материальных вещей. Он не привык возвращаться в сфере иного опыта и иных предметов. Он как бы прильнул раз и навсегда к состояниям своего тела и к показаниям его органов, *им доверился, в них поверил* и затем уверил себя, будто ни у него, ни у других людей нет доступа ни к чему другому. Его внимание, его интерес, его желания, его деятельность обращены на внешнее; выражаясь условно, можно сказать, что он «экстравертирован» (обращен наружу). И если он видит человека «интровертированного» (обращенного вовнутрь, к внутреннему, нечувственному миру), то он оказывается не способным ни понять его установку, ни поверить ему на слово: он объявляет его выдумщиком, фантазером или обманщиком.

А между тем всякий сколько-нибудь опытный мыслитель мог без особого труда доказать такому наивному и самоуверенному материалисту, что он решительно неправ, ибо все сводится к односторонней скудости *его* опыта или, еще точнее, к *нежеланию* его заметить и принять всерьез другой опыт, без которого он сам не может обойтись. У материалиста, как и у всякого человека, имеются не только *телесные* состояния, но и *душевные* состояния; и многие из этих душевных состояний дают ему *нечувственный* опыт и открывают ему *нечувственные предметы*. Неумно и вредно закрывать себе глаза на это разнообразие и богатство опыта, культивировать свои *низшие* способности и отвергать или даже отрицать *высшие*. Еще глупее и вреднее – пытаться уговорить других людей к такому же скудоумию или прямо навязывать им это скудоумие в порядке государственного принуждения, как это делают коммунисты, предписывая материалистическое преподавание в школах и давая социальные преимущества безбожникам и воинствующим материалистам.

В действительности дело обстоит так, что человеку, наряду с чувственными ощущениями, даны и другие, бесконечно более благородные, утонченные и значительные *источники опыта*. Судьба каждого отдельного человека, целых поколений и национальных культур зависит от того, живут ли люди этим опытом, умеют ли ценить, развивать и творчески пользоваться источниками его и т. д. Весь современный духовный кризис, переживаемый человечеством, объясняется тем, что человечество вот уже в течение нескольких поколений пренебрегало источниками этого опыта и отвыкло, отучилось пользоваться ими; ослепленное успехами естествознания и техники, охладевшее к религиозным глубинам жизни, оно доверилось всецело (или почти всецело) чувственным ощущениям и вырастающей из них теории и практике. Вследствие этого люди нового времени изошрились в изучении материальной природы и в технических изобретениях и незаметно оказались в состоянии детской беспомощности в вопросах *духовного опыта, духовной очевидности и духовных умений*. Преодолеть этот кризис можно только одним способом: *вернуться к этим благородным и чистым источникам духовного опыта, пробудить их и творчески зажечь ими*.

Человек не может жить одними чувственными восприятиями, исходя только из них и ограничиваясь только ими; может быть, это и доступно простейшим и низшим животным, но, напр., собаки и лошади стоят, несомненно, уже на более высокой ступени. Человеку же присущи сверх телесных ощущений еще чувствования, сила воображения, воля и энергия мысли. Конечно, он может пренебрегать этими состояниями или, так сказать, *внутренними актами* и сводить их к известному минимуму, уподобляясь животным, у которых преобладают чув-

ственные ощущения и телесные потребности: человек может также превратить эти высшие потребности своей души в простое оружие своих телесных раздражений и потребностей, т. е. не столько жить ими, сколько злоупотреблять ими. Но если бы он вступил на этот путь, то из этого возникли бы только величайшая нужда, варварство и пошлость. Почему? Потому что эти пренебреженные и заброшенные душевные силы отнюдь не перестали бы жить и действовать в его душе, а стали бы нести *нечистую жизнь* и увлекать душу на *гибельные пути*, ибо орудие, которое не чистят и запускают и которым злоупотребляют, всегда становится вредным и опасным.

Конечно, можно относиться с презрением к жизни *чувства* — напр., к любви, радости, благодарности, уважению, благоговению, чести и патриотизму — и отвергать все это как «сентиментальность», но от этого душевные чувствования отнюдь не исчезнут, они станут не только грубыми, злобными, нечистыми и отвратительными, т. е. душевно и телесно вредными, а духовно гибельными; они прилепятся к *дурным* содержаниям, и человеческая душа исполнится ненависти, зависти, злости, гордости и мстительности.

Точно так же «отвергнутая» и запущенная *сила воображения* отнюдь не исчезает и не прекращает свою жизнь; напротив, она разнуздывается и предается самым низменным, грубым и унижительным жизненным содержаниям: она отыскивает похотливые, безвкусные, злые образы и наслаждается ими и проносится слепо и равнодушно мимо образов целомудренной чистоты, благородства и божественной красоты. Люди, не уводящие своего воображения к высшим, нечувственным содержаниям, становятся *пленниками пошлости* и, по слову мудрого Гераклита, всю жизнь «наслаждаются грязью».

Такая же судьба постигает и человеческую волю, если она оказывается духовно беспризорной и нравственно разнузданной: она начинает служить *волку в человеке* и становится его свирепым орудием. Невоспитанная, неодоухотворенная, необлагороженная воля — есть источник всех коварных, злобных и преступных поступков на земле. В ответ на это человек может, конечно, возразить, что все эти понятия и мерила не имеют для него никакого смысла. Но эта ссылка есть лишь пустая фраза в его устах: как только *чужое коварство, чужая злоба* и преступность обрушатся на него самого, так он сразу ощутит, что означают эти идеи, и начнет поносить *чужого* волка, забыв о том, что он давно уже спустил с цепи своего собственного.

Подобно этому и *мышление* человека творчески создает культуру не тогда, когда оно прилепляется к чувственному и материальному, чтобы просто «наблюдать» его явления и умственно «разлагать» их (анализировать); из этого не возникла бы ни одна наука, ибо научное познание невозможно без логической мысли (которая совершенно нечувственна) и без математической мысли (которая почти нечувственна), а также без нравственно воспитанной воли и без нечувственной интуиции... Мышление человека только тогда на высоте, когда оно способно подниматься от конкретно чувственного, к крылатому и интуитивно насыщенному отвлечению, сосредоточиваться на *духовных* содержаниях, пребывать в них, созерцать их и познавать их.

Все это означает, что помимо внешнего (чувственного) опыта человеку дан еще внутренний (нечувственный) опыт. И вот этот *внутренний, духовный опыт* и есть *истинный источник и истинная область веры, религии и всей духовной культуры вообще*. Воспитать человека значит, прежде всего, пробудить в нем эти духовные переживания и открыть ему доступ к этому духовному опыту. Только в этом опыте человек может постигнуть, что такое *любовь*, какова ее глубина и сила и в чем ее священное значение. Только здесь он может научиться отличать добро от зла, услышать в самом себе голос совести, постигнуть, что такое честь, благородство и служение. Только в этой области он может увидеть, что такое художественность и прекрасное искусство, воспитать свой вкус и развить свое восприятие красоты. Только духовный опыт может открыть ему, что такое истинное знание, очевидность и доказательство и в чем состоит научная культура и достоинство ученого.

Через *духовный опыт человек общается с божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом*. Отсюда возникает «верующая» вера. Здесь зарождается религия и церковь.

Пренебрегающий духовным опытом – теряет доступ ко всему этому. Он – как бы *сам залепляет себе духовные очи* и предается слепоте и пошлости. От всех вещей он видит только внешнюю видимость и довольствуется тем, что превращает ее в пустую, абстрактную схему. Глубина и тайна жизни уходят от него – и во внешнем мире, и в его собственной душе. Он блуждает по распутьям до тех пор, пока не ударится головой о гранитную стену тех духовных законов, которые он отверг, или пока не сокрушится в пропасти тех духовных запретов, над которыми он доселе издевался. Ибо духовные законы и запреты связуют *всех* людей, в том числе и тех, которые отвергают их или издеваются над ними. Человеку дана свобода отвергать их и попираť их; но никогда еще человек и народ, идущий по этому пути, не вел на земле *достойной, творческой и прекрасной жизни*; напротив, все они разлагались душевно, впадали в общественный беспорядок и смуту и исчезали в духовном небытии.

Только духовный опыт – опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии, – только он может указать человеку, что есть *подлинно главное и ценнейшее* в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть; открыть ему истинный и единственный *Предмет религиозной веры*. Надо, чтобы он в самом деле *увидел духовными очами* то, во что он будет отныне верить, чтобы он *подлинно испытал и узнал божественность Бога* и прилепился к нему *свободно и целостно* — не понаслышке, не от усталости и отчаяния, не из доверия к чужому авторитету, ибо слухи меняются, и усталость проходит, и чужой авторитет может поколебаться. Человеку же нужен камень веры, который вечно был бы с ним – и в песчаной пустыне, и в снежной буре, и в непролазном лесу, и в тюремной одиночке, и в одиночестве всеобщей клеветы и злобы; такой камень, который всегда можно было бы осязать как неколебимую твердь и стать на него, как на некий столп утверждения... Человеку необходим *свет очевидности*, некая не сгорающая купина, которая горела бы *в нем самом*, чтобы он мог и сам возгореться от нее; ему необходим свет не иссякающий и ему самому внутренне доступный. Источник такого света один: это *духовный опыт, в коем человеку открывается лицезрение Божие*. Отсюда – всякая подлинная, «верующая» вера, эта первая и высшая сила человеческой жизни, дающая ему свободный полет через жизнь и смерть. Только здесь человек может обрести своего Бога и Господа и соединить себя с Ним любовью и верностью.

Только этот внутренний духовный опыт делает человекообразное существо – воистину человеком, т. е. духовной личностью, с неразложимым, священным центром, с индивидуальным характером, со способностью духовно творить и наполнять духом общественную жизнь, свободу, семью, родину, государство, частную собственность, науку и искусство. Потому что *последняя основа* всего этого, *творческий первоисточник* всей духовной культуры есть *Божественное в нас*, даруемое нам *в откровении живым и благим Богом*, воспринимаемое нами посредством любви и веры и осуществляемое нами в качестве самого главного и драгоценного в жизни.

Иными словами: вся *духовная культура* возникает лишь из того и благодаря тому, что человек не ограничивает себя чувственно внешним опытом, не отводит ему ни исключительного, ни хотя бы преимущественного значения, но, напротив, признает основным и руководящим *духовный опыт*, из него живет, любит, верует и оценивает все вещи, а следовательно, им же определяет и последний смысл и высшую цель внешнего, чувственного опыта, т. е. сперва обретает «внутри себя» Божественное начало, а затем представляет ему водительство во всей внешней жизни.

Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и религиозной веры является *любовь*.

Глава вторая О любви

1. Что есть любовь

Первым и глубочайшим источником духовного опыта является духовная любовь. Ее надо признать основным и необходимым «органом» духовного опыта. И всякому христианину это должно бы было быть ясным без доказательств.

Все попытки определить *любовь* в логическом порядке были бы тщетны: того, кто ее не испытал, нельзя ни просветить, ни убедить в этом отношении. Впрочем, духовный опыт подобен в этом всякому другому опыту. *Всякое доказательство* покоится в конечном счете и в последней инстанции на живом опыте, на живом восприятии и увидении. Всякое доказательство ведет рано или поздно (чем скорее, тем лучше!) к *предмету*, который надо воспринять, увидеть и пережить; и тот, кто не может воспринять предмета или не хочет испытать и увидеть его, – тому вообще никогда и ни в какой области нельзя ничего доказать, ни в естествознании, ни в истории, ни в философии. Последняя ступень доказательства всегда звучит так: «а все это потому, что сам предмет таков; вот он – переживи, восприми, испытай и признай!» и потом: «если не хочешь или не можешь, то отойди, умолкни и не мешай другим!»... Именно так: неспособный к предметному опыту должен уйти из исследовательской лаборатории и прекратить всякие споры, и притом вследствие своей умственной или духовной неспособности. В философии дело обстоит совершенно так же, как и в высшей математике, или в физике, или в юриспруденции...

И тем не менее живое своеобразие духовной любви может быть и должно быть *описано*. Что это за состояние – любовь? И чем отличается духовная любовь от недуховной?

Там, где начинается любовь, там кончается безразличие, вялость, экстенсивность: человек собирается и *сосредоточивается*, его внимание и интерес концентрируются на одном содержании, именно на любимом; здесь он становится *интенсивным*, душа его начинает как бы накаляться и гореть. Любимое содержание – будь то человек, или коллекция картин, или музыка, или любимые горы – становится живым центром души, важнейшим в жизни, главным предметом ее. Оказывается, что любовь дает человеку, по слову Платона, сразу – душевное *богатство* и душевную *бедность*: богатство – ибо человек нашел сокровище своей жизни, которым он владеет и которое он как бы носит в себе: отсюда чувство душевного обилия, силы, счастья, повышенного интереса к жизни и благодарности за все это; бедность – ибо у человека возникает чувство, что он никогда не владеет своим сокровищем до конца и что *без* него и *вне* его он сам скуден, печален и одинок: отсюда чувство душевной скудости, слабости, несчастья, разочарования во всем и ропот на свою лишенность и нищету. И все же, несмотря на эту тоску лишенности, человек чувствует себя обогащенным и богатым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.